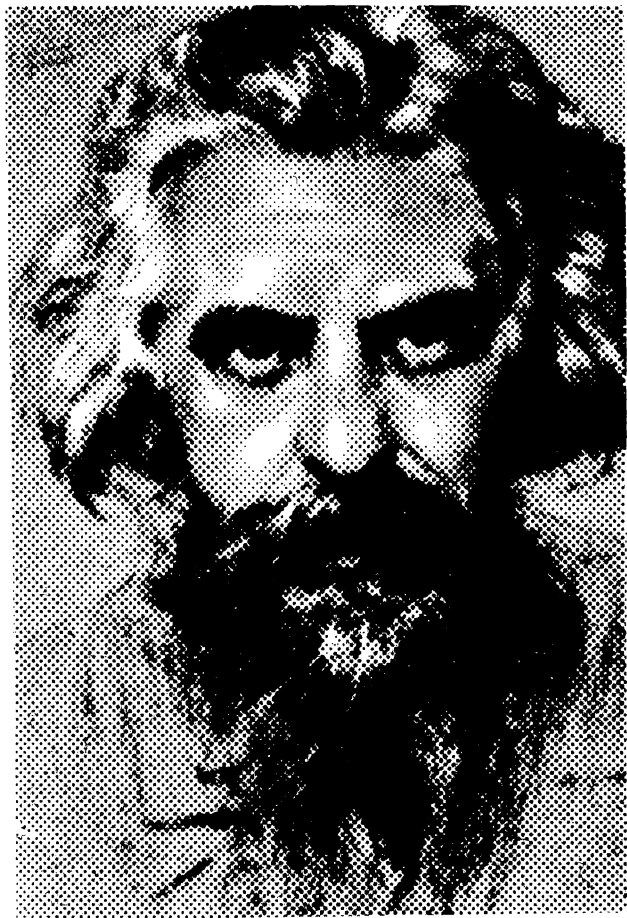

**СОЛОВЬЕВ
И ЕВАНГЕЛИЕ**

В. Ф. МАРЦИНКОВСКИЙ

В. С. СОЛОВЬЕВ
И ЕВАНГЕЛИЕ

Владимир Сергеевич Соловьев

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
В храме науки	9
Личность философа	10
Цельное мировоззрение	12
Этика Владимира Соловьева	13
Эстетика	23
Что есть истина?	27
Христология	34
Христианство и еврейский вопрос	37
О Церкви	47
«Повесть об Антихристе»	52
Смерть Владимира Соловьева	57
Школа Владимира Соловьева	58
Владимир Соловьев и мы	60

ПРЕДИСЛОВИЕ

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ СОЛОВЬЕВ — один из выдающихся русских философов конца прошлого столетия (1853—1900) — был в свое время любимец той части студенческой молодежи, которая искала Истину, полную, настоящую, совершенную.

Теперь Владимир Соловьев почти забыт. Энциклопедия отводит ему два-три десятка слов, его сочинений почти невозможно найти в библиотеках, но идеи Владимира Соловьева живы и сегодня, потому что в основе его мировоззрения — учение Иисуса Христа.

Владимир Соловьев верил в Его искупительную жертву, которая может примирить человека с Богом, Восток с Западом, небо с землею, может сделать человека счастливым, радостным, носителем любви и мира.

Философией Владимира Соловьева был затронут и увлечен профессор-филолог, благословенный проповедник, замечательный христианский писатель и публицист ВЛАДИМИР ФИЛИМОНОВИЧ МАРЦИНКОВСКИЙ. Пользуясь первоисточниками, В. Ф. Марцинковский посвятил В. Соловьеву большой труд.

Теперь впервые он издается отдельной книгой и мы верим, что вдумчивый читатель найдет в ней ответы на многие жизненные вопросы.

В ХРАМЕ НАУКИ

«Во Христе сокрыты все сокровища премудрости и ведения». (Кол. 2, 3)

Это было в 1880 году. В большом актовом зале С.-Петербургского Университета должна была состояться лекция молодого ученого Владимира Сергеевича Соловьева на тему религиозно-философского характера. Зал, вмещающий до трех тысяч человек, был переполнен студентами. Они слышали о лекции Соловьева в Московском Университете, о том, что этот молодой ученый открыто исповедует веру в Бога и во Христа как Богочеловека. Высокообразованный, мыслящий человек — и вдруг верит в Бога! Какой позор для русской высшей школы, которая в то время провозглашала материализм, как последнее слово науки!

И вот студенты собрались со свистками в карманах, чтобы при первом подходящем слове лектора подвергнуть его публичному осмеянию.

Владимир Соловьев взошел на кафедру. Молодой (ему было тогда 27 лет), с львиной гривой седеющих волос. Он поднял на аудиторию иссиня-черные глаза... О взгляде этих глаз говорили, что они пронизывали, видели насквозь — смотрели на вас и словно глядели на стену, которая за вами...

Свщей проникновенной речью он сразу захватил внимание молодежи, ибо говорил не шаблонным, схоластическим языком, навязывающим слушателю готовые бездоказательные догмы. Он говорил к молодежи на языке ее души, взывая к ее идеализму, к ее скрытой, глубинной жажде истины, добра и красоты.

При настоящем внимании он закончил вдохновенным призывом: «Удовлетворим же бессмертную жажду нашего духа: цель жизни есть обожествление человечества, через приближение ко Христу!» Обожествление человечества, его обожение — не обожание! — может ли что быть выше такой цели? И в то же время эти великие слова были столь новы и далеки для студенчества того времени! Словно пробудились забытые струны юного сердца, отзываясь на эти вдохновенные зовы к Возвышенному. И что же? Громовой взрыв аплодисментов покрыл слова лектора. Студенты забыли о свистках... Они устремились к лектору неудержимым потоком. Они взяли его на руки и несли при криках восторга вдоль всего длинного коридора — вплоть до профессорской комнаты.

С тех пор Владимир Соловьев сделался пророком молодежи, глашатаем ее высших стремлений.

ЛИЧНОСТЬ ФИЛОСОФА

Что же так влекло к нему юных слушателей? Какая непостижимая власть покорила их внимание и волю? Ученость? Красноречие? Убедительные доводы? Нет, это было прежде всего нравственное обаяние его личности.

Владимир Сергеевич Соловьев родился 16-го января 1853 г. Отец его, Сергей Михайлович Соловьев, — знаменитый русский историк. Его брат, Всеволод Сергеевич, был известным писателем-романистом. Сам же он стал философом в лучшем, благородном смысле этого слова.

Глубокий и всесторонний мыслитель, — он справедливо признается гением общечеловеческой мысли.

Его философское учение не было отвлеченной теорией, которую он излагал студентам с кафедры, оно отражалось в его характере, в его образе жизни. Поэтому его можно назвать не только философом, но и мудрецом. Таким был и украинский мыслитель Григорий Саввич Сковорода, один из предков Соловьева со стороны матери.

Личность философа была цельной, ибо она вся была проникнута единой великой целью. Эта единая цель в его практической жизни вытекала из единой идеи. И ведь только такое единство великой мысли (моноидеизм) способно создать стройное мышление, цельное мировоззрение.

Это мировоззрение В. Соловьев неуклонно проводит во всей своей многосторонней деятельности как философ, богослов, публицист, критик и поэт.

Его основное убеждение — «вера в безусловное начало и стремление во всем подчинять ему мысль и жизнь». Его основная духовная опора — живая вера во Христа. Отсюда характерное для него согласие веры и действия, слова и дела.

Если он пишет в статье «Немезида» (по поводу испано-американской войны) против смертной казни с точки зрения государственного права, то и на практике он мужественно исповедует это убеждение.

28-го марта 1881 г., в дни, когда творился суд над убийцами императора Александра Второго, он произносит пламенную речь в зале Кредитного Общества, в которой открыто, на основании требования русской народной совести, взывает к правительству о помиловании убийц. Эта речь дорого обошлась молодому идеалисту — по крайней мере, она навсегда испортила его академическую карьеру.

ЦЕЛЬНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Философия есть любовь к мудрости, любовь к «софии», к той тварной премудрости, которая отражает следы Божества в человеческом разуме, в творении вообще. Об этой Премудрости говорят Притчи Соломона (гл. 1, начиная с седьмого стиха). «Философия есть система научно-разработанного мировоззрения». А мировоззрение — это совокупность ответов на важнейшие вопросы жизни, — о Боге, о душе, о смысле жизни и т. п. Такие определения давал нам с кафедры в С.-Петербургском Университете профессор философии, Александр Иванович Веденский.

Каждый человек мыслит, каждый строит свою философию. Но иных их думы приводят к ограниченному умствованиею, к бескрылой, по земле ползающей мысли, к философии, основанной не на мужественной любви к истине, а на рабском угождении мирским, человеческим мнениям. Подобное мещанское мировоззрение обличает апостол Павел, предостерегая колосских христиан, «чтобы, кто не увлек их философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» (Кол. 2, 8).

Другие, наоборот, залетают своею мыслью слишком высоко, выше, чем позволяет их ограниченный человеческий разум и скудный жизненный опыт, и впадают в лжемудрствование, в мистические бредни, «вторгаясь в то, чего не видели, безрассудно надмеваясь плотским своим умом» (Кол. 2, 18). О таком умствовании русский народ говорит: «у него ум за разум зашел».

От этих двух крайностей должна быть свободна истинная философия.

У всех есть мировоззрение, да не у всех оно цельное. Один избегает вопроса о Боге, другой — вопроса о бессмертии, третий о социальной справедливости.

Не у всех это мировоззрение — возвышенное, достойное поставленных вопросов, достойное человека. Соловьев же дает пример гениальной попытки построить мировоззрение, которое можно было бы назвать словом чешского мыслителя-педагога 17-го столетия Амоса Коменского — «пансофия», всеумудрость, ибо он нашел в бытии следы той великой мысли, которая все объемлет, осмысливает и объединяет космос — в его природе и истории совершается нечто великое, дающее цель и смысл жизни каждого человека.

Три основных вопроса ставит и разрешает Владимир Соловьев.

Что такое добро? Что такое красота? Что есть истина? Это великая триада составляет основной аккорд в его внутренней музыке. Она же звучит, только не всегда гармонично, в душе каждого — ибо в каждом есть воля, чувство, разум.

ЭТИКА ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА

Этика (от греческого слова «этос» — нрав, обычай) есть учение о добре, о нормах (правилах) поведения, о том, что должно и не должно делать. Она излагается Соловьевым, со свойственной ему нравственной гениальностью, в его большом труде «Оправдание добра» (1894-1897). Это опыт моральной философии, или философии морали, учения о нравственности.

Автор не просто провозглашает готовые правила поведения, как догматы, но научно доказывает их естественность и разумность. Он изучает науку о

человеке (антропологию), его нравственную природу — и путем наблюдения устанавливает те нормы поведения, которые присущи всем нормальным, здоровым людям, начиная от дикаря и кончая культурным человеком.

Есть три основные нормы поведения. Они устанавливают должное (нормальное) отношение мое к тому, 1) что выше меня, 2) что равно мне и 3) что ниже меня.

Всегда, на всех ступенях своего развития, человек сознает, что есть нечто, высшее его, или, лучше сказать, Некто, высший его по Своему существу. И по отношению к этому Высшему началу разумно и естественно чувство преклонения благоговения, благочестия.

«Верить в Бога, — говорит Соловьев в другом этическом сочинении («Духовные основы жизни»), — есть наша нравственная обязанность. Человек может не исполнять своей нравственной обязанности, но тогда он теряет свое нравственное достоинство».

Соловьев приписывает Богу не личность, а сверхличность. Опровергая атеизм, он решительно отвергает и пантеизм, который учит, что «все есть Бог», и таким образом смешивает Творца с тварью, уничтожает границы между добром и злом, устраняет необходимость для человека смирения, которое составляет нравственную основу религии вообще и условие всякого совершенствования.

Против увлечения различными модными идеями, подрывающими авторитет библейского откровения о Боге, Соловьев говорит: «Мы, имеющие несчастье принадлежать к русской интеллигенции, которая, вместо образа Божия, все еще продолжает носить образ и подобие обезьяны, — мы должны же, наконец, увидеть свое жалкое положение, должны вос-

становить в себе русский народный характер, перестать творить себе кумир из всякой узкой и ничтожной идейки» («Критика отвлеченных начал»).

Вторая основа нравственности зиждется на правильном, достойном нашем отношении к тому, что равно нам. То, что равно нам — это люди. Естественное, нормальное отношение к людям, знакомое даже первобытному человеку, дикарю, — это чувство сострадания, чувство жалости. Эта вторая основа нравственности вытекает из первой, из веры в Бога. Любовь к человеку связана с верой в его достоинство, и вера человека вдохновляется верою в Бога, Который сотворил человека по образу Своему и подобию. Непоследовательность материалистов, отрицающих библейское откровение о происхождении человека и в то же время провозглашающих веру в человеческое достоинство и любовь к человеку, Владимир Соловьев вышутил в своем известном «силлогизме»: «Так как мы произошли от обезьяны, то будем любить друг друга...».

Этот же уничтожающий юмор он влагает в уста народной мудрости, сочетающей нравственное чутье со здравым смыслом. Так, простодушный москвич из народа спокойно слушает доводы «передового просветителя», который пытается доказать ему эволюционное происхождение человека от низших животных, и вдруг пресекает беседу словами: «Ежели, значит, я пес, и, значит, ты пес, то у пса со псом какой же будет разговор?»

Третья норма нравственного поведения устанавливает должное отношение человека к тому, что ниже его. То что ниже нас — это наше тело, наша плоть, наши физиологические инстинкты, наши материальные потребности. Достойное отношение к тому, что ниже нас — это самообладание, господство духа над

плотью. В зачаточной степени, знакомой и дикарю, эта норма, или добродетель, проявляется в чувстве стыда. «Я стыжусь, следовательно, я нравственно существую».

Благоговение, сострадание, самообладание (аскеза) — таковы нравственные черты нормального, духовно-здорового человека. Эти три добродетели неотделимы друг от друга, они дополняют одна другую и лишь в своей совокупности образуют нормальный нравственный характер. Взятые отдельно, они приводят к нездоровой односторонности. Так, благочестие без любви и аскезы — это ложная, нездоровая лжедуховность, ханжество; не святость, а святосшествво, пустосвятство.

Любовь к человеку без любви к Богу вырождается в односторонний гуманизм, в человекоугодничество, в человекобожество (обожание — не обожение! — человека).

Аскеза без любви и смирения, умерщвление плоти без любви к Богу и человеку создает тип, который Соловьев называет: «святой сатана».

С другой стороны, чрезмерное подчеркивание материального начала приводит к одностороннему натурализму. Лишь все три струны добра создают стройное созвучие, аккорд, образуют цельного, гармоничного, прекрасного человека. Таковы основы нравственности, находимые в природе человека. Они таятся в последней в зачаточном состоянии — это скорее стремления, чем достижения. Остатки, следы прежнего утраченного достоинства. В действительности — иные склонности, противоположные этим добродетелям, господствуют в природе человека, благоговению противостоит гордость; любовь попирается жестокостью; стремление к чистоте загрязняется грубой чувственностью.

Пушкин в своем стихотворении: «В начале жизни школу помню я», посвященном отроческим годам, говорит о трех демонах, которые расхищают его душу — это демон гордости, демон жестокости и демон нечистоты.

Как же побеждать этих духов зла? Как развивать этические, нравственные стороны и побеждать дурные склонности? Об этом Соловьев говорит в практической этике главным образом в своем произведении: «Духовные основы жизни» (в другой редакции: «Религиозные основы жизни»). В основу этого труда Владимир Соловьев кладет Нагорную Проповедь Христа, разбирая при этом ее великую часть, — молитву Господню: «Отче наш».

Практический путь для выражения и углубления чувства благочестия — это молитва.

Любовь к ближнему усиливается через милостыню, через дела милосердия. Христос сказал: «Любите врагов ваших». При этом Он имел в виду не чувство любви, ибо чувство не зависит от нас, и им нельзя повелевать, и его нельзя вызывать произвольно. Христос предписывает дело любви, которое зависит от нашей воли. Он говорит: «Благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас». А за делом придет и любовь.

Об этом же говорит и Лев Толстой, имея в виду тот психологический факт, что человек, которому мы сделали добро, становится приятен нам; и наоборот, мы избегаем встречи с человеком, которому мы сделали зло.

Самообладание, господство духа над плотью, упражняется постом. При этом Соловьев различает три вида поста. Пост ума — воздержание от мудрствования. «Не давай пищи праздному мудрствованию».

«Подчиняй умственную деятельность нравственным требованиям».

Пост воли: «Не давай пищи своему самолюбию».

Пост чувства — обуздание чувственности. При этом Соловьев советует воздерживаться от употребления в пищу, по крайней мере, мяса теплокровных животных.

Однако, все эти упражнения могут привести человека лишь к тому, что он ограничится внешним исполнением правил добродетельной жизни (молиться, подавать милостыню бедным, поститься). А в корне, по своему существу и характеру, человек останется тем же, что и был, греховным и испорченным. И вот, Соловьев, вникая глубже в процесс духовного преобразования человека, приходит к заключению, что человек на пути к совершенству, в борьбе со злом должен пройти три момента: во-первых, отвращение ко злу, во-вторых, усилие освободиться от власти греха, в-третьих, — обращение к Богу, как к источнику духовной силы.

Истинное же обращение приводит нас к благодати, т. е. к тому благу, которое не развивается нами из нас самих, но дается свыше (благо-дать).

«Благодать обращает нас к Богу, а мы только соглашаемся своей волей на такое обращение, и в этом сущность молитвы, которая есть уже некоторое доброе и истинное дело: здесь мы действуем в Боге и Бог в нас».

Полное обращение состоит в отдании Богу своей воли: «Человек может решить: я не хочу своей воли. Такое самоотречение или обращение человеческой воли есть ее высшее торжество». Обращение к Богу через принятие Христа создает в нас нового человека, новую тварь.

Этика, или учение о нравственности, глубоко разработана и вполне закончена у Владимира Соловьева. В «Критике отвлеченных начал» он показывает несостоятельность попыток рационально (рассудочно) построить этику. В этом смысле он критикует гедонизм, усматривающий высшее благо человека в наслаждении, эвдемонизм, ищущий блага в благополучии, и утилитаризм, видящий благо в пользе.

Он возражает против «отвлеченного морализма», отделяющего этику от метафизики (учение о высших началах бытия), отрывающего нравственность от религии.

А в «Оправдании добра», как мы уже видели, он положительно строит этику раскрывая вечные законы нравственности. Вот как он говорит о сущности нравственного поведения в этом своем произведении: «Итак, мы можем дать безусловному началу нравственности следующее полное выражение: в совершенном внутреннем согласии с высшею волей, признавая за всеми другими безусловное значение или ценность, поскольку и в них есть образ и подобие Божие, принимая возможно полное участие в деле своего и общего совершенствования ради окончательного откровения Царства Божия в мире», — так поступая, мы осуществляем на деле нравственное поведение, достойное человека.

В процессе этого откровения высшего начала в мире мы различаем пять ступеней или пять царств: минеральное (неорганическое), растительное, животное, человеческое, Божие. Лишь последнему, говорит Соловьев, можно по праву называться «царством».

Выше мы видели, что человек, осуществляя безусловное, высшее начало, должен подчинить свое поведение трем нравственным нормам (или заповедям): благоговению, состраданию и самообладанию.

И вот в чем В. Соловьев исправляет этику знаменитого мыслителя Эммануила Канта, превосходя его, поистине «преодолевая» его. Кант провозглашает так называемый категорический императив, «безусловный приказ» поведения: «Поступай так, чтобы как в твоём лице, так и в лице всякого другого, человек служил не только средством, но и целью, ценной самой по себе». При этом не важно, хочет или не хочет человек поступать нравственно. Он поступает даже выше в том случае, когда действует против своей воли, вопреки своим желаниям. У Канта нравственность — гетерономна (чужезаконна), т. е. нравственный закон для воли у него чужой, чуждый ей, как бы извне предписанный. Человек должен рабски подчиняться ему. Но Владимир Соловьев показывает, что истинная нравственность там, где самые желания у человека совпадают с долгом. То, что я должен делать, этого самого я и хочу. В этом случае воля становится самозаконной (автономной), не рабской, а свободной. И поскольку страдание бывает там, где действительность не отвечает нашим желаниям, где долг противоречит влечению, — постольку автономная, свободная воля в самом действии своём есть гармония, радость, блаженство.

Истинная нравственная свобода не там, где человек поступает по своим желаниям, а истинная нравственность там, где эти желания возвышенны, где они совпадают с велениями Бога. Но это не самоусовершенствование в смысле самоспасения. Не только человек устремляется к добру, к небу, к высшему благу, как учит Кант, но — что ещё существеннее — Само Благо нисходит, осеняет, преображает человека через Христа. Не от земли к небу, а от неба к земле — такова этика В. Соловьева.

Соловьев является философом христианским, апологетом Нового Завета, сущность которого благодатное преобразование человека в новую тварь, у которой ум и сердце, долг и влечение совпадают в единой высшей гармонии. Об этом Новом Завете говорит Бог устами пророка Иеремии (гл. 31 : 31-34), и эти же слова повторяет апостол Евангелия (Посл. Евр. 8 : 10-13): «Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды Новый Завет... вложу закон Мой во внутренность их, и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом. И уже не будут учить друг друга, брат — брата, говорит Господь, потому что Я прощу беззакония их и грехов их уже не вспомяну более».

Это преобразование человека и есть то возрождение, тайну которого Христос раскрыл в беседе с Никодимом, в третьей главе Евангелия от Иоанна.

Вот что говорит В. Соловьев о возрождении в своих «Чтениях о Богочеловечестве» (1877 - 1881): «Церковь христианская исторически составила́сь из всех людей, принявших Христа; но Христа можно было принять и внутренним, и внешним образом. Внутреннее принятие Христа, т. е. нового духовного человека, состоит в духовном возрождении, в том рождении свыше, или от духа, о котором говорится в беседе с Никодимом, т. е., когда человек, сознав неистинность плотской, материальной жизни, ощущает в себе положительный источник другой, истинной жизни (независимый ни от плоти, ни от ума человека), закон, который дан в откровении Христовом, и, признав эту новую жизнь, открытую Христом, за безусловно должную, как благо и истину, добровольно подчиняет ей свою плотскую и человеческую жизнь, внутренне соединяясь со Христом, как родоначальником этой новой духовной жизни, главою

нового духовного царства. Такое принятие Христовой истины освобождает от греха (хотя и не от грехов) и образует духовного человека».

Итак, нравственность неразрывно связана с религией. Но Вл. Соловьев напомнил и обратное: религия должна быть неразрывно связана с нравственностью. Богословие должно выражаться в богодействии, религия должна претворяться в жизнь, в нравственное поведение. Коротко говоря, истинная нравственность религиозна: истинная религия нравственна. «Человечество обязано не созерцать Божество, а само делаться божественным. Согласно этому новая религия (т. е. христианство) не может быть только пассивным богопочтением или богопоклонением, а должно стать активным богодействием, т. е. совместным действием Божества и человечества для пересоздания сего последнего из плотского или природного в духовное и божественное.

Это есть не творение из ничего, а претворение или пресуществление материи в дух, плотской жизни в божественную» («Духовные основы жизни»).

Словом, говоря языком русского народа, человек должен не только верить в Бога или думать о Боге, но жить по-Божьи. Таким образом этика у В. Соловьева приводит к Богу. Она включает в себя религиозную жизнь. Она приводит не только к вере в Бога, но и к необходимости быть в Боге, приобщиться Его природе, возродиться от Духа, стать новым человеком через Иисуса Христа.

ЭСТЕТИКА

Истина, осуществляемая нашей волей, есть благо, добро. А поскольку истина является не отвлеченной мыслью, идеей, но приобретает образ, осязаемый и доступный нашим ощущениям, нашему чувству — она становится красотой. Наука о красоте, о ее законах и проявлениях в жизни и искусстве, называется эстетикой.

То абсолютное и идеальное, что для разума является истиной, для воли является добром, для чувства — красотой.

Красота разлита в природе. В статье «Красота в природе» В. Соловьев говорит: «Красота есть преобразование материи через воплощение в ней другого, сверхматериального начала». Красота есть «идея воплощенная». Все прекрасное в природе — безбрежное море, восход солнца, звездное небо — великие символы, образы, говорящие для всех понятным языком о великом, идеальном, о должном, о грядущем.

Красота природы — одухотворенная материя, следы тварной Премудрости Божией, св. Софии. «София есть тело (материя) Божества, проникнутое началом Божественного единства». Основная идея бытия есть «мировое всеединство», гармония, любовь.

Идея мира (вселенной) есть мир, согласие, гармония, лад, ритм, — что является основой красоты. Эта идея воплощается так ярко и выразительно в мощных таинственных символах природы — она начертана в световых письменах звездного неба — ибо все звезды напоены и объединены светом; она осуществляется и в законе всемирного тяготения. Простор океана зовет душу к свободе, к бесконечности. Восход солнца говорит о победе света над тьмой.

Свою мысль о красоте в природе В. Соловьев выражает словами поэта — философа Тютчева:

«...природа
Не слепок, не бездушный лик:
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык».

Человек не только созерцает красоту, данную в природе, но он стремится и сам творить ее. Это творчество, воплощающее идеи в образе, одухотворяющее материю, одухотворяющее плоть или воплощающее дух — называется искусством.

Цель искусства не только изображать действительность, но и преображать ее светом идеала; в том, что есть, изображать то, что должно, то, что будет. Ибо будет то, что должно.

Поэт не только видит, но провидит. И потому — «искусство есть пророчество», говорит Соловьев в статье: «Общий смысл искусства».

Конечно, он говорит об истинном искусстве, о воплощении истины. Ибо есть и ложное искусство. «У ада есть свой мимолетный свет и свое обманчивое сияние», говорит он.

Ложные идеи, безнравственные мысли тоже могут быть воплощаемы в привлекательные образы. Сатана может облекаться в образ ангела света. Тогда искусство становится чарой искушающей, становится лжепророчеством.

Истинное творчество В. Соловьев находит у целого ряда русских поэтов. Он посвящает особые статьи Пушкину, Лермонтову, А. Толстому и др.

В 1881-2 годах он пишет «Три речи в память Достоевского», в которых можно видеть духовное родство обоих русских гениев: мыслитель-поэт Влади-

мир Соловьев разъясняет поэта-мыслителя Достоевского. У обоих совершенное воплощение совершенной красоты есть Христос. И потому вещи слова Достоевского: «Красота спасет мир» — истинны и для Вл. Соловьева.

Есть люди факта, и есть люди веры, говорит Соловьев. Люди факта рабски преклоняются перед видимым торжеством зла. Люди же веры, повинувшись пророческому духу, веруют не в то, что есть, а в то, что должно. «Творят жизнь люди веры», т. е. которых мир считает утопистами, юродивыми — они же являются избранниками человечества. Достоевский потому пророк, что он показал грядущее и окончательное торжество Христа в человеке.

В христианстве есть три ступени, или степени. Есть христианство храмовое, поклоняющееся Богу в стенах храма, умиляющееся литургийным благолепием. Соловьев не отрицает этого рода христианства, но считает его недостаточным.

Есть христианство личное, или домашнее, которое побуждает человека идти с религией в его практическую жизнь, в личный опыт и преображать светом Евангелия обыденную, домашнюю жизнь.

Но есть еще высшая ступень — христианство вселенское, «распространяющее закон Христовой любви на все существующие отношения», на отношения социальные, международные, на всю тварь. Об этом христианстве можно было бы сказать словами одного из христианских подвижников: «Что есть сердце милующее? Сердце милующее есть горение сердца о всей твари»... Об этом-то высшем откровении в христианстве и томится душа человека и вся тварь.

Искусство потому пророчество, что оно раскрывает новое в христианстве, его грядущее осуществление, а именно — христианство вселенское. Это новое

слово Соловьев находит в творчестве Достоевского.

Человеку недостаточно созерцать красоту в природе или в искусстве; недостаточно изображать красоту в произведениях художества. Он хотел бы преобразовать самую жизнь, безобразное и безобразное в ней претворять в совершенную красоту. Эта тоска и томление духа составляет «Жизненную драму Платона» (1898), и не только Платона, но и каждого, кто хочет не созерцать, но и творить, творить не только символы и мечты, но и прекрасную жизненную действительность.

Но как «рождать в красоте», как быть художником своей жизни, так чтобы она вся была живым воплощением идеального?

Греческий мыслитель Платон, живший в 4-м веке до Р. Х., старался постигнуть древний миф об Эросе, боге любви, и усматривал его подлинный, возвышенный смысл в том, что данное божество призвано в этот мир «рождать в красоте».

Но, ведь миф об Эросе лишь сказание, сказка, плод воображения. И о размышлениях Платона на эту тему Соловьев говорит так: «Платонов Эрос, которого природа и общее назначение так прекрасно описаны философом-поэтом, не совершил этого своего назначения, не соединил неба с землей и преисподней, не построил между ними никакого действительного моста и равнодушно упорхнул с пустыми руками в мир идеальных умозрений. А философ остался на земле — тоже с пустыми руками — на пустой земле, где правда не жиьет».

Кто же поистине построит этот мост и сочетает небо с землей?

Об этом томлении человеческого духа Платон говорит: «Человек, встречая красоту на земле, вспоми-

нает об истинной красоте — окрыляется и горит желанием лететь к ней, но в бессилии своем поднимает глаза к небу».

Подобно тому как этика у Соловьева приводит к Богу (постулирует, «требует» обращения к Богу), так и эстетика, чувство прекрасного, рождает в человеке страдание, драму и обращает его взор туда, ввысь, к небу.

Вместе с Платоном мы могли бы повторить слова одного из его диалогов: «Разве нам ждть с неба Того, Кто придет и снимет повязку с наших глаз?» Кто же этот, кто не только снял бы повязку с наших глаз, чтобы мы могли видеть истинную красоту, но и удалил бы цепи с наших рук, чтобы мы могли творить в красоте?

Красота есть воплощение истины. «Абсолютное осуществляет благо через истину в красоте», говорит Соловьев в своих «Чтениях о Богочеловечестве». И прежде, чем воплощать истину, нужно знать, что же есть Истина?

ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА?

Можем ли мы разрешить этот вопрос, который некогда поставил Христу римский правитель Пилат? Можно ли вообще познать истину, или «естину»? Это последнее выразительное слово употребляет в наше время Павел Флоренский в своей глубокой философской книге: «Столп и утверждение истины». Истина, или естина, это то, что подлинно, бытийно есть, существует — сущее из существующего, сущность всего и та Первосущность, которая есть Бог.

Можем ли мы познать не явления только (по выражению Канта — феномены), но и умопостигаемые сущности (по Канту — нумэны)?

В своей «Критике чистого разума» Кант утверждает, что сущность вещей непознаваема. Правда, в «Критике практического разума» он доказывает, что нравственное сознание нормально-здорового человека требует (постулирует) веры в Бога, бессмертие и свободу воли — но это будет лишь вера, а не знание. Познать то, что сверх видимой природы, познать метафизическое, то, что переходит границы нашего опыта (трансцендентное, по мнению Канта), невозможно.

А французский философ Август Конт (1798 — 1857) идет еще дальше в своих заключениях. Если нельзя познать сверхъестественного, то и не нужно стремиться к разрешению связанных с ним вопросов: будем заниматься лишь положительной наукой, основанной на опыте и разуме. К этому и идет человеческое знание, история которого, по мнению Конта, делится на три периода: 1) теологический, 2) метафизический и 3) период положительной (позитивной) науки.

Эти мысли, или учение так называемого позитивизма, Конт излагает, не признавая, между прочим, ни логики, ни психологии, а лишь общественные науки (по его выражению — «социальную физику»).

Владимир Соловьев блестяще опровергает оба эти учения. Канту он говорит: можно познать Бога. Конту он говорит: должно познавать сверхъестественное. Это Владимир Соловьев доказывает в своих трудах, посвященных гносеологии, или теории познания, науке об условиях и пределах человеческого знания.

Поэт нашего времени Александр Блок посвятил Владимиру Соловьеву стихотворение: «Рыцарь св. Софии». Поистине, как благородный рыцарь истины во всеоружии глубокой мудрости выступает Влади-

мир Соловьев против слишком трезвого учения Конта, против его «благоразумия». «Не дай нам Бог быть благоразумными», — сказал он однажды иронически, порицая мещанское стремление думать лишь о материальном и не давать простора запросам духа, ограничивая его орлиный полет. «Тесно орлу летать в клетке», — сказал предок нашего мыслителя, украинский мудрец Григорий Сковорода. Эту бедность и ограниченность мировоззрения материалистов любимый писатель Вл. Соловьева, Алексей Толстой, выразил в словах: «Для них-то лишь действительно, что для тела чувствительно».

24 ноября 1874 г. наш молодой мыслитель защищал в Москве свою магистерскую диссертацию: «Кризис западной философии». Он показал в ней всю несостоятельность Конта, всю искусственность, вымышленность и произвольность его деления истории на три упомянутых периода, а на нем-то и основывался позитивизм; он показал всю недостаточность рационалистической и эмпирической (ссылающейся лишь на ограниченный опыт внешних ощущений) философии и с вдохновением говорил о целом знании, о постижении Всеединого Духа. Он разбил тогда своими неотразимыми доводами таких ученых, как Срезневский, Владиславлев и Каринский.

Соловьев разоблачил тогда «самодовольную уверенность, с которой позитивизм из несостоятельности старой метафизики выводит то заключение, что несостоятельны и самые метафизические вопросы». С неумолимой ясностью он вывел наружу «ограниченность позитивизма», показал, что последний не выше, а ниже религиозно-философских воззрений.

Позже, в 1877 году, Владимир Соловьев пишет новое произведение: «Философские начала цельного знания».

Цельное знание составляют три сферы:

1) Знание эмпирическое, основанное на опыте и дающее материал для философии эмпирической. Последняя изучает лишь *явления*, мир, историю и природу, как они являются (или представляются) нашим «пяти чувствам» (или органам ощущений).

2) Знание логическое, — оно изучает *идеи*, приводит явления в связь в логический порядок, классифицирует их, устанавливает законы, постоянно повторяющиеся связи явлений; на этом знании основана философия рационалистическая.

3) «Мистическое знание», изучающее бытие, познание «истинно-сущего». На этом знании строится «мистическая философия».

Словом, Соловьев показывает, что жажда знания не укладывается, так сказать, в двух измерениях — опыта и разума — нужно еще третье измерение, линия вверх, в царство духа, в бесконечность.

Вот некоторые его мысли о «цельном знании». «Знание истины есть лишь то, которое соответствует воле блага и чувству красоты». «Истиной может быть только то, что вместе есть благо и красота». «Предмет мистической философии есть не мир явлений и не мир идей». Истину не найти ни во внешнем мире, ни в нас, она «принадлежит только соответственной трансцендентной действительности первоначала». Ведь, отдельные факты-явления без связи с целым бессмысленны. Отдельные идеи — безжизненны. «Цельное знание» — это «синтез (сочетание) эмпирической, рационалистической и мистической философии», синтез положительной науки, отвлеченной философии и религии.

Так называемый «благоразумный» человек нашего времени боится самого слова мистицизм. А Соловьев показал его неизбежность для каждого глубоко мыслящего человека. «Мистицизм есть вера в возможность общения с потусторонним миром», — определяет проф. А. И. Введенский.

В. Соловьеву, как гению русской и всечеловеческой мысли, принадлежит «преодоление Канта», то, что составляет новое, русское слово в области философии. В начале своего философского развития В. Соловьев сам находился под обаянием Канта. Кроме последнего, на него имели влияние — Августин, Яков Беме, Спиноза, Шеллинг, Гегель, Шопенгауэр, неоплатоники; но, как самобытный гений мысли, он не заимствовал своих основных идей у них, всегда стремясь оставаться свободным, верным самому себе.

«Преодолению Канта» уделено место в произведении Соловьева: «Критика отвлеченных начал» (1880 г.). Это была его докторская диссертация.

Знать Бога не только должно но и можно, — таков вывод мыслителя. В этом произведении дается разбор и оценка различных философских учений, касающихся теории познания: сенсуализма, усматривающего источник познания в ощущениях, рационализма, основывающего познание на доводах рассудка, и др. Автор показывает необходимость веры на пути к знанию, веры в безусловное, истинносущее начало, т. е. веры в Бога. «Для истинного познания необходимо предположить безусловное бытие его предметов, т. е. истинно-сущего или всеединого. Оно должно быть с человеком во внутренней связи, в силу которого и может быть им действительно познаваемо». «Только в связи с истинно-сущим, как безусловно реальным и безусловно уни-

версальным, могут явления нашего опыта иметь настоящую реальность и понятия нашего мышления настоящую, положительную универсальность: оба эти фактора нашего познания сами по себе, в своей отвлеченности, совершенно безразличные к истине, получают таким образом свое истинное значение от третьего, религиозного начала».

«Истинное познание есть прежде всего познание сущего». «Вера, воображение и творчество — основные элементы всякого предметного познания».

«Истина вечно есть в Боге, но поскольку в нас нет Бога, мы и живем не в истине: не только наше познание ложно, ложно само наше бытие, сама наша действительность». «Вся природа должна быть внутренне подчинена нашему духу, как наш дух должен быть внутренне подчинен божественному».

Чтобы истинно познавать, надо быть в Боге. Вопреки Канту, человеку доступно не только верить в Бога, но и познавать Бога, быть в Боге.

Во Христе Бог явился во плоти. Боговоплощение открыло человеку путь к непосредственному познанию Бога. В. Соловьеву принадлежит это новое слово: «Богоощущение». Не только богомыслие (теология), но богоощущение, мистическое восприятие, непосредственное ощущение Бога доступны человеку.

«Религия есть связь человека и мира с безусловным началом и средоточием всего существующего» («Чтения о Богочеловечестве», 1877—1881 гг.).

«Религия есть воссоединение человека и мира с безусловным и всецелым началом». Традиционная религиозная вера в Бога не проведена до конца. Современная цивилизация есть вера в человека (гуманизм) без веры в Бога. Обе эти веры сходятся в единой и всецелой истине Богочеловечества.

Как сказано выше, вера в возможность общения с потусторонним миром есть мистицизм. Он-то и неизбежен в истинном познании. Средства общения с потусторонним миром составляют опытную мистику. (Мысли Соловьева о мистике изложены им в соответственной статье в Энциклопедическом Словаре Брокгауза и Эфрона.) Наряду с опытной мистикой есть мистика познавательная, признающая возможность непосредственного общения между познающим субъектом и абсолютным (безусловным) познавательным объектом. Она доступна человеку сверх обычных способов познания (опыт, чистое мышление, предание, авторитет). На ней основано мистическое богословие, мистическая философия, истинная теософия (богомудрие), — не то, распространенное в наши дни богомудрствование, которое носит это же название и представляет, по определению Соловьева, необуддизм на христианской почве.

В христианстве над философией работали «Дионисий Ареопагит», его толкователь Максим Исповедник (7 в.), Макарий Египетский (4 в.), Исаак Сирин (6 в.), Мейстер Эккарт (14 в.).

Наряду со здоровой мистикой существует мистика ложная. Естественно чувство протеста здравомыслящего человека против так называемой болезненной мистики и против злонамеренной мистификации.

Признаки здоровой мистики следующие: 1) она не исключает внешних форм благочестия, 2) высшее духовное совершенство, его достигаемое, не отменяет низших заповедей.

Кант строит веру в Бога на субъективных требованиях совести, строит «из себя». Это своего рода богостроительство, человеческое «создание» Бога, понятия о Нем. Соловьев же поддерживает богоискательство, искание объективно существующего

Бога; при этом человек может не только искать Его, но и найти — ибо Он пришел и открылся человеку в лице Иисуса Христа, ибо через Него «произошли благодать и истина». Благодать — озарение свыше — необходима не только для нравственного поведения, но и для познания.

Путем глубокого исследования, в свете опыта и разума, гениальный мыслитель приходит к гносеологии библейского откровения, обуславливающего необходимость не только веры в Бога, но и познания Бога.

ХРИСТОЛОГИЯ

Иисус Христос — в исповедании Владимира Соловьева — истинный Бог и истинный Человек. Характерна по этому поводу переписка его с Л. Н. Толстым. Последний удивлялся, как такой образованный человек, как Владимир Соловьев, может верить в Божественность Христа и Его воскресение. В своем ответном письме В. Соловьев ясно исповедал свою веру в действительность телесного воскресения Иисуса Христа. Он, с своей стороны, выразил удивление, как Лев Н., такой умный человек, не признает этой истины. Впрочем от дальнейшей открытой полемики с Толстым В. Соловьев отказался, ибо, при отсутствии в то время свободы печати, Толстой не имел равных шансов на свободное выражение своих мыслей.

Как философ, В. Соловьев особенно останавливается на раскрытии учения о Христе, как о Логосе, о Смысле бытия.

В статье «Смысл мира» (в «Духовных основах жизни») он дает философский разбор пролога к

Евангелию от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... и Слово стало плотью». В греческом оригинале Евангелия «Слово» соответствует «логос», что значит также «смысл». «В начале был Смысл...», переводит Соловьев.

Христос есть Логос мира, его Смысл. Всякое истинное бытие имеет в Нем свое начало. «Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть». Из Него все исходит, к Нему стремится, в Нем все находит свое внутреннее единство. Это всеединство и есть основная цель бытия. Его, этот Смысл, осуществляют все атомы и все небесные тела. В законе всемирного тяготения отражается это же всеединство. Это всеединство служит нормой и для отношений между людьми — ибо всеединство есть любовь.

Соловьеву, как мыслителю, который ищет объяснения всему, так понятна эта мировая, премирная, вселенская роль Христа. Лишь этот Смысл делает возможным осмысление всего, лишь этот Логос открывает путь к логизации всех явлений — без Него они представляются хаосом. Лишь этот Божественный Логос претворяет эти явления и в бытии, и в создании, и в действительности, и в мысли в единое стройное мироздание, в космос.

Смысл мира (вселенной) есть мир, тишина, лад, гармония, любовь.

Христос — «свет истинный, просвещающий всякого человека, приходящего в мир». Он — основная идея природы, истории мира и каждого человека. «Образ Христа — проверка совести», говорит мыслитель в «Духовных основах жизни».

Вот почему Соловьеву так близка идея «вселенского христианства», глашатаем которого, по его мнению, является Достоевский.

Христианство — это не одна из религий, а единственное мировоззрение. «Совершенная религия есть не та, которая во всех одинаково содержится, а та, которая всех в себе содержит и всеми обладает (полный религиозный синтез)» («Чтения о Богочеловеке»). Все внехристианские религии — подготовка к христианству, предчувствия, постановка вопросов, на которые лишь христианство дает ответ. Первобытные религиозные воззрения дикаря, языческие сказания (мифы) — намечают эти искания.

Буддизм — лишь отрицательная религия, понимающая безусловное начало, как ничто. Будда тяготится греховным бытием, знает, что не есть жизнь, а Христос Сам есть жизнь («Будда, его жизнь и учение»).

Иудей-эллинист Филон из Александрии (род. в 30-20 г. до Р. Х., ум. в 1 веке по Р. Х.) пытался объединить философию греческих мыслителей Платона и Аристотеля с Моисеевым законом. Он учит о Логосе, как о выразителе универсальной божественной сущности и посреднике между Единым Богом и всем существующим. (Ошибочно думать о влиянии Филона на Евангелие Иоанна. Понятия о Логосе у обоих различны). У Филона Логос только религиозно-философское построение, отвлеченная идея, в то время как Христос — живая Личность, историческое осуществление Логоса, воплощение Смысла, Боговоплощение. «Слово стало плотью и обитало с нами...»

Неоплатоники (в 3 в по Р. Х.) пытались дать сочетание (синтез) греческой философии (Платона) и национально-религиозных идей своего времени. Один из них, Плотин из Александрии (205 - 270 по Р. Х.), учит о трех божественных ипостасях, а христианство дает откровение о действительности Три-

единого Бога. Христианство, по мысли В. Соловьева, включает и буддийский аскетизм и платоновский идеализм, иудейский монотеизм и александрийское триединство.

Магомет приходит на сцену истории в 7 веке по Р. Х., когда христианское учение переживало опасность уклонения от чистоты библейского монотеизма и замены поклонения в духе и истине обрядоверием. Магометанство есть «корректив» к христианскому благочестию его времени («Магомет и его время»).

Все религии предваряют христианство, ведут к нему и в нем находят свое совершенное разрешение. «Но христианство имеет свое собственное содержание, не зависимое от всех этих элементов, в него входящих, и это собственное содержание есть единственно и исключительно — Христос».

И это верно и ясно прежде всего в отношении к иудейству. В своем труде: «История и будущность теократии» В. Соловьев разбирает три библейские прообраза — священника, царя и пророка. Все эти три высшие деятельности в совершенстве воплощает в Себе Иисус Христос. В то же время, говоря о теократии, о боговластии, об авторитете Церкви, он предупреждает об опасности злоупотребления этим принципом в человеческих отношениях. «Сущность теократии, — говорит он, — не в полноте власти, а в полноте любви».

ХРИСТИАНСТВО И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

В связи с этим, замечательно отношение русского философа-христианина к еврейскому вопросу. Это не отвлеченное отношение к «вопросу» вообще, но

живое, горячее, полное любви сочувствие к народу-скитальцу.

Вл. Соловьев усердно изучал древне-еврейский язык у виленского ученого еврея Ф. Геца (сохранилась их переписка). Он с живой симпатией следил за христианским движением среди евреев, вызванным в Кишиневе местным еврейским адвокатом, сыном и внуком раввина, Иосифом Давидовичем Рабиновичем, в память которого он написал после его смерти прочувствованный некролог.

В статье «Новозаветный Израиль» (1885) Соловьев описывает это достопримечательное явление в жизни еврейского народа. После известного еврейского погрома, имевшего место в Кишиневе, Рабинович вместе с группой кишиневских евреев отправился в Палестину для изучения вопроса о возвращении Израиля в Землю Обетованную. Там, в Иерусалиме, сидя на Елеонской горе с Евангелием в руках, он размышлял о судьбе своего народа. Глаза его упали на слова Христа: «Без Меня не можете делать ничего». (Я привожу здесь дополнительные сведения о Рабиновиче, полученные мною от его дочери в Англии в 1924 г.). Он обратился тогда в молитве к Богу и принял сердцем Христа, как Мессию.

Луч веры озарил его сердце. Он обратился к Богу во имя Иисуса Христа. О своих дальнейших переживаниях он говорит: «Я увидел свет. Я узнал, куда мы должны стремиться и где мы можем чувствовать себя дома». Возвратясь в Россию, я сделал своим лозунгом следующие слова: «Ключ от Святой Земли находится в руках Иисуса Христа».

Конечно, он встретил отпор со стороны еврейской общины в Кишиневе. Однако, часть евреев присоединилась к нему, и они сообща построили молитвенный дом в этом городе, под названием «Вифлеем».

Над дверью этого дома были золотыми буквами изображены слова апостола Петра из Деяний Апостольских: «Итак твердо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли». Евреи этого направления подали официальное заявление русскому правительству о том, что они не намерены пользоваться преимуществами, связанными с христианством, и скрывать свое еврейское происхождение в духе ассимиляции; они открыто свидетельствовали, что остаются евреями, разделяющими тяжкую участь своего народа, и именно, как евреи, исповедуют веру в Иисуса Христа, как Мессию Израиля и всего человечества.

Кроме того, эти евреи не вступили ни в одну из существующих христианских церквей, основав свою собственную христианскую общину. Последнее особенно одобрял Вл. Соловьев, считая, что евреи должны начать строить христианскую церковь самостоятельно и сначала, в ее зачаточном виде, не принимая тех готовых форм, которые в своем развитии приняли в себя от разных времен и народов много такого, что чуждо библейскому духу, родному для еврея. И не евреи ли прежде всего и лучше всего должны понять учение Того, Кто был кость от кости и плоть от плоти Израиля?

В статье: «Талмуд и новейшее учение о нем» (1866 г.) В. Соловьев показывает, что мы, христиане, слишком односторонне и несправедливо судим об этом произведении еврейской религиозной мысли: в нем, наряду с отжившими, спорными и ложными суждениями, есть много перлов общечеловеческой мудрости.

Он не только изучил еврейский вопрос, но, как сказано, любил еврейский народ. Это он, именно, составил известную декларацию о справедливом,

христианском отношении к евреям в России, подписанную писателями и учеными. Там он писал: «Если евреи наши враги, то сказано: любите врагов ваших. Если же они наши друзья, то зачем же друзей преследовать?» (пишу эти слова по памяти. — В. М.). Этой декларации не суждено было увидеть свет в России, — она была напечатана в Париже.

На смертном одре Вл. Соловьев молился за еврейский народ, взывая к Богу о спасении Израиля. Не является ли этот факт потрясающим проявлением исключительной любви? В последние минуты, перед лицом смерти и вечности, вспоминается лишь то, что глубоко лежит в сердце. Он не говорил лишь об этой любви перед лицом окружающих, он молился к Богу Авраама, Исаака и Иакова, — и ведь только Бог может разрешить трагедию вечного странника.

Свои мысли на данную тему Вл. Соловьев наиболее полно выразил в обширной статье: «Христианство и еврейский вопрос» (1884). Вот некоторые мысли этого произведения:

Три великие черты отличали древнего Израиля: 1) вера в сущего, живого Бога, 2) сила личного чувства, которым дышала эта вера, 3) священный материализм, т. е. стремление освятить материальную жизнь, все земные отношения, жизнь телесную, половую, хозяйственную (и уж, конечно, общественную и государственную) — освятить законом Божиим; стремление к реализации духовного начала через освящение земной, плотской жизни, через очищение материи.

Евреи — народ, способный воплощать духовное. Поэтому Бог избрал его для Боговоплощения. «Евреи — народ богорождающий». Но, с течением времени, с утерей живой связи с Богом, эти три достоинства выродились в три недостатка: вера в Бога

заменялась самообожанием; любовь к Богу — самолюбием, священный материализм в далеко несвященный материализм денег.

Обращаясь к христианам, Вл. Соловьев напоминает об их ответственности по отношению к евреям. Россия и Польша, в пределах которых тогда жила большая часть еврейского народа, должны принять особое участие в разрешении еврейского вопроса: на них возложено бремя этой задачи. «Еврейский вопрос есть вопрос христианский».

«Евреи — народ дела: покажите им христианское дело», осязательное, жизненное христианство. Чем больше мы, христиане, осуществим Царство Божие на земле (теократию), тем скорее их привлечем на путь христианства.

Позже, в некрологе, посвященном Рабиновичу, Соловьев резко отзывается о реальном, бытовом христианстве: «Не могли звери цирка и железо римского воина так отделять верующую душу от христианского Бога, как отделяют ее теперь исторические нагромождения лжи и зла в самом христианском мире».

О евреях он говорит: «Они не хотели понять и принять креста Христова, и вот уже 18 веков как поневоле несут свой тяжелый крест».

Но «твердо слово апостола — что весь Израиль спасется» (конечно, те, кто не только по плоти, но и по духу, по вере состоят детьми Авраама, как это поясняет этот же апостол: «Не все те Израильяне, которые от Израиля; и не все дети Авраама, которые от семени его. Но сказано: в Исааке наречется тебе семя (Быт. 21 : 12). То есть, не плотские дети суть дети Божии; но дети обетования признаются за семя» (Рим. 9 : 6-8. Прим. — В. М.).

И вот путь к разрешению еврейского вопроса, согласно убеждению В. Соловьева: когда евреи будут евреями, а христиане христианами, тогда они будут братьями. «Мы потому отделены от евреев, что мы еще не вполне христиане, а они потому отделяются от нас, что они не вполне иудеи». «Ибо полнота христианства обнимает собою и иудейство, и полнота иудейства есть христианство». (Здесь Соловьев повторяет мысли епископа Никонора одесского, сказанные им в 1884 г.).

Христианство же есть прежде всего вера во Христа, как в Сына Божия, как в Богочеловека. Принятие евреями этой веры не отделяет их от подлинного иудейства, а, наоборот, — возвращает их к вере праотцов и пророков, предсказавших пришествие Мессии в лице Иисуса Христа.

С подлинной верой и любовью, достойных пророков, писал Вл. Соловьев эти слова обличения и утешения. Это была не только литературная статья — их родила глубокая, пламенная любовь, любовь Христова. Открытое свидетельство этой любви стоило В. Соловьеву немалых жертв. Не обошлось без упреков в пристрастной симпатии к евреям (в юдофильстве), а известный корреспондент «Нового Времени» Меньшиков даже пытался объяснить эту симпатию якобы семитическим происхождением Вл. Соловьева, лицо которого в юности носило следы «ослепительной ассирийской красоты».

Евреи знали и чувствовали эту любовь — и они занесли на скрижали сердца имя Вл. Соловьева, с почетным званием «друга Израиля», принадлежащего к числу «праведников среди народов мира».

Это имя хранится в благодарной памяти народа, оно записано и в его литературе: биография Соловьева помещена в «Еврейской Энциклопедии».

Имя его упоминается с благоговением, но часто без подлинного знания, в чем именно этот «друг Израиля» видел разрешение еврейского вопроса.

Излагая эти мысли великого философа, я лично хотел бы исполнить свой долг по отношению к Вл. Соловьеву, как человеку, много давшему мне в области христианской философии, а также и по отношению к еврейскому народу. Не являются ли заветы русского мыслителя особенно важными в нашу эпоху, в дни напряженного еврейского искания в связи с возвращением Израиля в Палестину и связанного с этим возвратом возрождения мессианских чаяний еврейского народа?

Живя в Палестине в последние годы, я являюсь непосредственным свидетелем предсказанного пророками внешнего возвращения Израиля в землю отцов, наблюдая в то же время глубокие религиозные искания, предворяющие возвращение внутреннее, духовное. И не на всех ли нас, христианах, лежит исполнение завета Христова: «Идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева?».

В 1930 г. состоялась в Иерусалиме моя лекция о Вл. Соловьеве для студентов еврейского Университета при любезном содействии администрации последнего, показавшей глубокое уважение к памяти великого философа и живой интерес к его учению. В этой лекции я пытался изложить перед своими слушателями основные положения данного моего труда и при этом напомнить, что наш гениальный мыслитель, убежденный христианин и друг Израиля, призывал еврейский народ к вере в Иисуса Христа, как истинного Мессию и Богочеловека. К этому его привели исторические и религиозно-философские исследования еврейского вопроса. И в этом он видел

единственный путь к существенному разрешению данной проблемы.

После лекции профессор еврейского Университета, д-р И. Д. Кляузнер, автор известной книги о Христе, держал ответную речь. В ней он воздал должное гениальности великого ученого, его религиозному идеализму и глубокой вере в Бога, которая так нужна нам в наше время. С другой стороны, он не соглашался с предлагаемым способом разрешения еврейского вопроса и пытался объяснить, почему евреи не могут верить в Богочеловечество Иисуса Христа. Он возражал против признания Христа Сыном Божиим, ибо, по его мнению, такой идеи нет в Ветхом Завете, ее нет и в Новом Завете и потому евреи никогда не уверуют во Христа, как Сына Божия».

На это я ответил указанием на некоторые места Библии: 1) на 9 главу Исаии, где Мессия назван «Богом крепким, Отцом вечности» (это место считается мессианским согласно древнему иудейскому толкованию, данному в Таргуме, т. е. арамейском переводе Ветхого Завета, — Ионатана бэн Уззиэла); 2) на псалом, где Бог говорит о Мессии: «Ты — Сын Мой, Я ныне родил Тебя».

Относительно Нового Завета я напомнил, что в нем Христос ясно исповедует Свое Богосыновство перед первосвященником (см., например, Мр. 14 : 61-62), — это и послужило причиной осуждения Христа на смерть. Наконец, на утверждение, что евреи никогда не уверуют в Иисуса Христа, как Богочеловека и Мессию, я сказал: они уже уверовали в Него в лице Его учеников-апостолов, — все они были евреи; от них-то мы и восприняли эту веру. И во все времена были отдельные представители еврейского народа (как проф. Неандер, раввин Лихтенштейн и др.), которые, после серьезного исследования Еван-

гелия, пришли к вере во Христа. И придет еще время, когда Израиль, как народ, примет Его.

После своей ответной речи я поставил студентам вопрос Христа: «Кто из вас обличит Меня в неправде? Если же Я говорю истину, почему вы не верите Мне?» (Иоанн 8 : 46) «Почему?» — спросил я студентов. «Можете ли вы назвать хоть один недостаток в характере Христа или хоть одну ошибку в Его учении?» Они молчали.

И это было благородное молчание, по крайней мере, поскольку оно выражало безмолвный отказ обвинять Христа в какой-либо неправде.

Но молчание этого рода и логически, и нравственно обязывает признать Христа и принять Его как истинного Мессию. Это и сделали многие из нас, евреи и не евреи, после того, как продумали глубоко и добросовестно второй вопрос Христа: «почему вы не верите Мне?» Исследовав причины отвержения Христа в свете разума и совести, мы нашли их несостоятельными и потому сознательно уверовали в Него как предсказанного пророками Мессию.

Нравственные причины неверия во Христа указаны Им Самим в Его словах, обращенным к иудеям Его времени: «Исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне. Но вы не хотите придти ко Мне, чтобы иметь жизнь. Не принимаю славы от человеков, но знаю вас: вы не имеете в себе любви к Богу. Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете. Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от единого Бога, не ищете? Не думайте, что Я буду обвинять вас пред Отцем: есть на вас обвинитель Моисей, на которого вы уповаете. Ибо, если бы вы верили Моисею, то поверили

бы и Мне, потому что он писал о Мне. Если же его писаниям не верите, — как поверите Моим словам?» (Иоан. 5 : 39-47)

Поистине, когда «евреи будут евреями», согласно выражению В. Соловьева, когда они возвратятся к первоисточнику, т. е. Слову Божию, к Моисею и другим пророкам, к образу мыслей отцов и вновь будут «сынами пророков и завета», тогда откроются их духовные очи и исполнится пророчество Захарии: «А на дом Давида и на жителей Иерусалима изолью дух благодати и умиления, и они воззрят на Него, Которого пронзили, и будут рыдать о Нем, как рыдают об единородном сыне, и скорбят, как скорбят о первенце» (Зах. 10 : 12).

На Пасху 1930 г. я спросил евреев у Стены Плача в Иерусалиме: «Почему вы не верите в Иисуса Христа, как Мессию?» Один из них ответил: «Он нарушил закон». — «В чем же именно? Читали ли вы Евангелие?» — «Нет, это нам запрещено»...

Время подобного неведения уже проходит. В наши дни евреи уже приближаются к Нему с вопросом: «Не Он ли Мессия?» Они уже взирают на Него, но еще без духа умиления, а скорее в духе критики.

Но придет день, когда евреи воззрят на Иисуса Христа с умилением и возрыдают и это рыдание потрясет и преобразит мир.

И на всех нас, христианах, лежит священный долг убирать камни с пути народа-скитальца и влечь его к ногам Спасителя узами той любви, Христовой, которая вдохновляла и Владимира Соловьева.

О ЦЕРКВИ

Осуществление учения Христа на земле составляет задачу Церкви. Она призвана хранить истину своим соборным сознанием и свидетельствовать о ней миру словом и делом. Поэтому идея Церкви глубоко занимает В. Соловьева.

«Церковь по своей сущности представляет божественное действие Христа на земле», говорит он в «Духовных основах жизни». «Христос есть совершенный Богочеловек, а Церковь еще не есть совершенное Богочеловечество, а только совершающееся» (там же).

Он любил православие, в котором был воспитан, и идеи православного богословия — соборности, смирения и любви — глубоко отражаются в его мыслях. В статье: «Национальный вопрос в России» (1884) он пишет: «Под православием я разумею Церковь, в которую мы верим — единую, кафолическую и апостольскую, которая пребывает и в нашей греко-русской церкви, но никак не составляет ее исключительной принадлежности». Он выходит из рамок вероисповедных и верит в «истинно-вселенское православие, могущее обнять и сочетать с собою и истинные начала западного католичества». Наряду с православием идеальным, он видел перед собою греко-русскую церковь, подчиненную государству, православие бытовое и официальное, и указывал его недостатки. «Мы обладаем лучшей в мире верой, но, к сожалению, она не обладает нами», говорит он. Надо заметить, что объявленный ему запрет духовной цензуры писать о православной церкви помешал ему в этой критической работе.

Говоря о крещении Руси в статье: «Владимир святой и русская идея», в связи с фактом освобожде-

ния крестьян, провозглашенного 19 февраля 1861 года, он пишет: Русь ждет своего духовного 19 февраля.

Здесь уместно вспомнить мысли философа из его «Чтений о Богочеловечестве» — где он различает христиан внешних и духовно-возрожденных.

Православная церковь находится под игом государства, преклоняется перед ним, Божие предает кесарю (идя путем так называемого кесаропапизма). И потому иссяк в ней дух живого творчества в области догматической. Оно пресеклось со времени седьмого вселенского собора. Во время одной своей публичной лекции в Москве он высказал мысль: если католицизм есть авторитет без свободы, если протестантизм есть свобода без авторитета, то православие не имеет ни того, ни другого — в нем царит анархия.

«Восток — православный в богословии и не православный в жизни», говорит он.

Характерно, что, защищая православие, как догму, в церковь он не любил ходить. В противоположность к конгениальному с ним Достоевскому, В. Соловьев чувствовал тяготение к католичеству. Здесь опять сказалось его искание всеединства. И церковь католическая, проявляющая большую организованность и дисциплину, представлялась ему осуществлением этого вселенского единства.

Нам думается, что здесь мыслитель, привыкший ценить систему, переживавший католичество больше в отвлеченном кабинетном размышлении, а на практике лишь в отдельных встречах с выдающимися католиками, поддался впечатлению внешнего единства, впечатлению схемы, внешне упорядоченной организации. Может быть, тут сказалось и отдаленное влияние его бабушки со стороны матери,

польки и католички. В своем сочинении, вышедшем впервые на французском языке «Россия и вселенская церковь» он проводит мысль о необходимости воссоединения Восточной и Западной церквей (при этом он строго отличал «соединение» от «смещения»). Существует представление, что Владимир Соловьев официально присоединился к католической церкви. Поводом к этому послужило его причастие в католическом костеле. Однако, это еще не доказывает факта его официального перехода из православия в католичество.

Возможно, что он хотел актом причастия у католиков исповедать фактическое единство обеих церквей.

В 1927 г. я беседовал в Дрездене с личным другом В. Соловьева, кн. Алексеем Дмитриевичем Оболенским (бывшим обер-прокурором св. Синода). О католицизме Соловьева он говорил, что это была лишь любимая идея мыслителя. Факта его причастия в католической церкви он не отрицал и не утверждал — считал его, однако, возможным в связи с знакомством Соловьева с католическим епископом Штротсмайером, проявлявшим большую широту и смелость воззрений.

«О католиках он сказал мне однажды: они хотят поймать меня, но не поймают... Вообще Соловьев был одинок, и его не понимали», — сказал Оболенский. По словам биографа «отношение Соловьева к католичеству не может быть точно определено». Во всяком случае, умирая, он принял причастие от православного священника.

Уже в дни революции я познакомился в Москве с племянником Вл. Соловьева, православным священником — известным поэтом — Сергеем Михайлови-

чем Соловьевым. Его духовное устремление можно ясно чувствовать в его стихах:

Вся Россия лишь страданье,
Ветра стон в ветвях берез.
Но из крови и рыданья
Вырастает ожиданье
Царства Твоего, Христос!

Этот христианин-поэт решил уже на практике осуществить теорию своего дяди и перешел в католичество. Однако побыл там лишь короткое время и, измученный духовно и разочарованный, опрометью бросился оттуда назад и принес покаянную почившему патриарху Тихону. Так теория отвлеченного мыслителя была опровергнута горьким опытом его кровного последователя...

До сих пор мы говорили об отношении Вл. Соловьева к православию и католичеству, к «церкви апостола Иоанна и к церкви апостола Петра».

Для полноты впечатления коснемся еще его взгляда на протестантизм («церковь апостола Павла»). Вот что пишет его биограф, В. Величко, в своей книге: «Владимир Соловьев» («Жизнь и творения», второе изд., 1904, стр. 30): «Церковь апостола Павла, выдвигающая такие оригинальные личности, с сильной практической складкой ума, как Генри Друммонд и т. п., не могла не дать мыслителю-бойцу полезных эмпирических и методических указаний».

В Англии, где он работал в Британском музее, будучи командирован от Московского университета в заграничную поездку, он имел случай получить эти дополняющие впечатления от выдающихся христиан протестантской церкви.

Только что упомянутый Генри Друммонд был талантливый ученый, умевшим сочетать в своем лице пламенную веру во Христа с блестящей эрудицией в области естественных наук и отчетливым мышлением. Его вдохновенная речь увлекала студенческую молодежь Англии и др. стран. Его лекции: «Как преобразить нашу жизнь», «Самое великое в мире», его книги: «Идеальная жизнь» (изд. на русском языке Киевским религиозно-философским обществом) и «Естественный закон в духовном мире» — составляют эпоху в истории практической религиозной мысли не только на Западе, но и у нас в России.

К явлениям русского протестантизма, к раскольникам (поповцам и беспоповцам), к различным сектам (мистическим и рационалистическим) Вл. Соловьев относился с объективным критицизмом, показывая в них и недостатки (отделение под влиянием духовной гордости) и подлинное горение духа, ревнующего о правде, града взыскующего; он признает их право «на свободу вдохновения и личной совести» (статья «О русском народном расколе», приложенная к «Духовным основам жизни»).

Он знал по опыту и муку сомнения и его цену. В юности он был одно время атеистом и материалистом и, в знак протеста против религии вообще, выбрасывал иконы из своей комнаты. В эти же юные годы он увлекался спиритизмом, к которому впоследствии относился отрицательно. Поэтому он мог понять и атеиста; в душе последнего, кроме лукавого сомнения, возможно и «добросовестное неверие», представляющее скрытую религиозную жажду (см. статью под этим названием в его «Пасхальных письмах»).

Если уж определять вероисповедание Вл. Соловьева, то следует продумать мысль его биографа Э. Рад-

лова: он был мистик, имевший свою собственную внутреннюю оригинальную религиозную жизнь, и, как мистик, он стоял выше своего вероисповедания, в котором был воспитан. Он был столь же православным, сколько Сократ афинянином. Он был «вселенский христианин», жаждавший объять не только мыслью, но и любовью все и вся. «Верую в единую святую соборную и апостольскую Церковь» — эти слова христианского символа веры убежденно исповедывал Вл. Соловьев, причем он настаивал, что *соборная* значит: всеобщая, собранная отовсюду.

Своеобразное толкование «вселенского христианства» Вл. Соловьев дал в своей, незадолго до смерти написанной, «Повести об Антихристе» (часть обширной статьи: «Три разговора», 1899 — 1900).

«ПОВЕСТЬ ОБ АНТИХРИСТЕ»

Данная повесть представляет художественный рассказ. Здесь Вл. Соловьев выступает перед нами как поэт, как пророк будущего, за завесу которого он старается проникнуть в свете новозаветной эсхатологии (учения о конце).

Здесь говорит больше сердце автора, чем его философский ум, преобладает вещая интуиция, чутье, прозрение, предчувствие, пророческое ведение.

Антихрист придет как противник Христа и как Его искажение и подделка. Он не только против Христа, но пытается подменить Его. Его не узнают сразу: он ведь не будет зеленого цвета и с одним глазом во лбу. Он явится как гений, в обаянии ума, красоты, в маске справедливости. Основное отличие его от Христа — это гордость, самоутверждение. Христос сказал: «Я пришел во имя Отца Моего, и не

принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете» (Ев. Иоанн. 5 : 43).

Антихрист придет во имя свое. Он учит и действует от себя, он проповедует себя, он весь — самоутверждение, эгоцентризм, и все, кто не в смирении, а в гордости, хотя бы и самой тонкой, — неудержимо устремляются к нему.

Вот он выступает, как всемирный Император, и старается объединить все народы и религии под единой властью своего скипетра. Он созывает вселенский собор и на нем старается привлечь на свою сторону всех христиан, обращаясь к трем главным церквям — католической, православной и протестантской.

«Император, ставши около трона и с величественной благосклонностью протянувши руку, произнес звучным и приятным голосом: 'Христиане всех толков! Возлюбленные мои подданные и братья! От начала моего царствования, которое Вышний благословил такими чудными и славными делами, я ни разу не имел повода быть вами недовольным; вы всегда исполняли свой долг по вере и совести, но мне этого мало. Моя искренняя любовь к вам, братья возлюбленные, жаждет взаимности... Христиане, чем мог бы я вас осчастливить? Что дать вам не как моим подданным, а как единоверным братьям моим? Христиане, скажите мне, что для вас всего дороже в христианстве?'

Затем он напоминает католикам, что ведь для них дороже всего в христианстве духовный авторитет, в лице римского первосвященника, его видимое главенство, и тут же объявляет о восстановлении древнего величия папского престола со всеми его правами и преимуществами.

Поддавшись этим словам, большинство католического духовенства и мирян переходит на сторону Императора.

Обращаясь к православным, Император признает, что для них, конечно, «всего дороже в христианстве священное предание, старые символы, старые песни и молитвы, иконы и чин богослужения», и потому он намерен учредить в Константинополе «всемирный музей христианской археологии, с целью собирания, изучения и хранения всяких памятников церковной древности».

Вслед за этим большинство православных иерархов, священников, монахов и мирян переходит на сторону правителя.

Для протестантов, которые ведь «более всего дорожат в христианстве личной уверенностью в истине и свободным исследованием Писания», Император «подписывает учреждение всемирного института для свободного исследования Св. Писания со всевозможных сторон и во всевозможных направлениях». Он и сам, оказывается, имеет почетный титул доктора теологии, поднесенный ему Тюбингенским университетом за написанное им сочинение по богословию.

Тогда больше половины ученых протестантских теологов перешли на сторону Императора. Однако, из всех трех церквей не пошли за соблазнителем группы верующих, которые теперь сблизились между собою и теснились около старца Иоанна, папы Петра и профессора Паули. Обращаясь к ним, Император повторяет грустным тоном свой вопрос: «Скажите же мне сами, вы, христиане, покинутые большинством своих братьев и вождей, осужденные народным чувством: что всего дороже для вас в христианстве?» «Тут, как белая свеча, поднялся старец Иоанн: 'Великий Государь! Всего дороже для

нас в христианстве Сам Христос, — Он Сам, а от Него все, ибо мы знаем, что в Нем обитает вся полнота Божества телесно... И на вопрос Твой: что можешь ты сделать для нас, — вот наш прямой ответ: исповедуй здесь перед нами Иисуса Христа Сына Божия, во плоти пришедшего, воскресшего и паки грядущего — исповедуй Его, и мы с любовью примем тебя как истинного предтечу Его второго славного пришествия'».

И вот тогда-то обнаруживается, что во главе этого вселенского собора стоит Антихрист, который и поражает смертью мужественного исповедника.

Итак, вот что такое единая соборная вселенская Церковь по Вл. Соловьеву в его практическом представлении, в его последнем предсмертном слове. Это действительно собор, собрание верующих из всех церковных групп; — верующих во Христа, Им искупленных, любящих Его, исповедующих Его ценою страданий даже до смерти мученической всех тех, для которых всего дороже Христос, у которых Он центр всего.

«Христоцентризм» — признак истинного христианства.

В дальнейшем своем содержании «Повесть об Антихристе» касается и еврейского вопроса. Евреи также оказываются прельщенными Антихристом; обманутые его обещаниями, они устремляются за ним. Ведь оставив истинную веру отцов, смиренный дух пророков и заменив его самоутверждением и человекобожеством, обожанием человека, они находят в Антихристе лишь высшее выражение своего духа: отвергнув Мессию, пришедшего во имя Отца, не приняв Бога, ставшего человеком, они принимают того, кто приходит во имя свое, человека, в ду-

ховной гордыне возомнившего себя Богом; отвергнув Богочеловека, принимают человекобога.

Так исполняется пророческое слово Христа: «Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете» (Иоанн. 5 : 43).

Впоследствии евреи вдруг узнают, что Антихрист не обрезан согласно закону Моисееву. Они покидают его, за что подвергаются жесточайшим преследованиям со стороны Императора.

Не об этом ли тяжком времени для Израиля говорит пророк Иеремия (30 : 7): «О, горе! велик тот день, не было подобного ему; это бедственное время для Иакова, но он будет спасен от него». Последние два слова проф. Лопухин в своей «Толковой Библии» переводит: в нем, т. е. во время этого бедствия.

Как же будет он спасен? Каким путем исполнится пророчество Нового Завета, которое с верою приводит и Вл. Соловьев в статье «Христианство и еврейский вопрос»: «Весь Израиль спасется» (Римл. 11 : 26).

В этом пророчестве, как сказано выше, истинные израильтяне, верные духу пророков, а не только происходящие от Израиля по плоти, как это пояснено в этом же послании к Римлянам: «Не все те израильтяне, которые от Израиля» (9 : 6). И потому «Исаия провозглашает об Израиле: хотя бы сыны Израилевы были числом, как песок морской, только остаток спасется» (Римл. 9 : 27).

Во всяком случае мысль о будущем обращении Израиля, как народа, ко Христу вполне соответствует библейским пророчествам. И не так ли это произойдет, что, разочаровавшись в последнем лжемессии, который представляет «совершенное несовершенство», совершенную гордость, — евреи, в силу психологического закона (ассоциация противополож-

ности), вспомнят Того, Кто был совершенное смирение, совершенная святость и любовь. Вспомнят Мессию истинного, по неведению отвергнутого и распятого, и примут Его в слезах покаяния. «И они воззрят на Него, Которого пронзили, и будут рыдать о Нем, как рыдают об единородном сыне, и скорбеть, как скорбят о первенце» (Зах. 12 : 10).

СМЕРТЬ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА

«Повесть об Антихристе» Вл. Соловьев писал незадолго до Пасхи 1900 г. Он был болен, и друзья советовали ему воздержаться от работы. Но он не последовал их совету. В предисловии к «Повести» он пишет: «Уже веет надо мною бледный образ смерти, тихо советующий не откладывать».

Это предчувствие скоро сбылось. 30 июля этого же 1900 года Владимира Сергеевича Соловьева не стало. На смертном одре так необычайно торжественно прозвучала его молитва за еврейский народ. Последние его слова были: «Трудна работа Господня»...

На окраине Москвы, за белыми зубцами старинной стены, стоит Новодевичий монастырь. Далеко видна его красная златоглавая колокольня. Там находится и кладбище, где много славных имен, родных русскому слуху (Плещеева, Никитина, Писемского, Чехова) — украшают надгробные памятники. Недалеко от входа группа могил семьи Соловьевых. Здесь покоится прах русского историка, Сергея Михайловича Соловьева, отца нашего мыслителя. Тут же и скромное надгробие, холмик из земли, с простым деревянным крестом: на нем напечатана надпись: Владимир Сергеевич Соловьев. Ниже красуется перламутровый образ Воскресения Христова — из Святой Зем-

ли. На кресте начертаны слова из псалма (111 : 6) по-латыни: «В памяти вечной будет праведник».

Всякий раз, когда я проходил туда, я видел на могиле свежую пальмовую ветвь, положенную чьей-то заботливой рукой. Тихо, тихо кругом. Далеко осталась Москва с ее бурливым гомоном. С башенных часов колокольни каждую минуту раздается четкий медный удар, словно подчеркивающий тишину кладбища. Поистине там «время роняет жемчужные слезы в бездну вечности».

Я пишу эти строки на горе Кармиле в Галилее, среди смоковниц и олив. Слышу звон иной: тихо, важно шествуют верблюды, с колокольцами на шее. Идут, идут один за другим караваны, беззвучным шагом, царственно спокойно. В их мерной, тихой поступи слышится шествие времени. Это движутся, как мимолетные тени, его годы и дни, неумолимо, неотвратимо. Проходят и потом затихают вдали, в пустынных горах...

ШКОЛА ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА

Много тяжкого пережила русская душа в последние годы и у себя на родине, и в скитаниях на чужбине, и на полях кровавой международной распри... Не будем искать виноватых, ибо, как говорит Достоевский, «всяк за всех виноват».

А наш мыслитель-пророк сказал бы всем страждущим, изнывающим под бременем фактов: «Эти муки и невзгоды лишь тяжелый сон, пусть и кошмарный. Не верь мгновенному, люби и не забудь». Не забудь того, что достойно вечности, памяти вечной того великого, божественного, к чему призван человек.

И русская душа не забыла. Целая школа русской философии, можно сказать, вся русская мысль, поскольку ей надо сказать новое слово человечеству, является продолжением работы гениального мыслителя.

Его сподвижники и ученики в большинстве были деятелями «Религиозно-философского Общества имени В. Соловьева». Вот некоторые из них: С. Н. Трубецкой, ректор Московского университета, написавший «Учение о Логосе» и «Метафизику древней Греции»; С. Н. Булгаков («Два града», «Свет не вечерний»), Е. Н. Трубецкой («Смысл жизни»), П. Флоренский («Столп и утверждение истины»), Н. А. Бердяев («Философия свободы»), Н. О. Лосский («Теория интуитивизма», «Цельное знание») и многие другие.

Основная вера этой школы сосредоточивается на Личности Иисуса Христа: Он есть истинный Богочеловек, совершенное вопрошение истины, добра и красоты. Лишь в Нем и через Него человек может найти путь к осуществлению высшего нравственного идеала.

Эта глубокая идеология подтверждает слова Христа о Самом Себе: «Я есмь путь и истина и жизнь: никто не приходит к Отцу, как только через Меня».

Эта школа имеет все большее влияние в мире. Труды Вл. Соловьева переводятся на разные языки. Со властью неопровержимой логики и нравственного вдохновения он сказал то, что выходит за пределы данного времени и народа, то, что имеет вселенское, всечеловеческое, вечное значение.

Поэтому он и признается гением всечеловеческой мысли.

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ И МЫ

Наши дни — время мирового кризиса. Люди пришли в тупик в области экономических, социальных и международных отношений. И несомненно, что корень всех бед и неурядиц и источник их — это кризис веры. Он заключается, прежде всего, в сомнении относительно истины, в неуверенности, в нравственном шатании, во внутренней неустойчивости.

Дух человека расшатан, ослаблен сомнением теоретическим. И поистине, «человек с двоящимися мыслями не тверд на путях своих». И вновь смятенная человеческая мысль вопрошает: что есть истина? Существуют ли в этом мире относительности неизменные абсолютные ценности и соответствующие им абсолютные нормы поведения.

Подобно Гамлету, герою известной трагедии Шекспира, мы спрашиваем: быть или не быть... человеку носящему чело, обращенное к вечности, быть или не быть человечности, истинной гуманности, человеческому достоинству?

Среди множества спорных человеческих теорий и систем человек нашего времени ищет единую, объективную правду. Он ищет глубокого и всестороннего обоснования вечной правды в свете разума, совести и исторического опыта.

Вот почему более, чем когда-либо, в наше критическое время, в эпоху переоценки всех ценностей всем нам, к какому бы народу мы ни принадлежали — нужен глашатай правды, подобный автору «Оправдания Добра», блестяще, во всеоружии науки, логики и фактов, подтвердивший три основы человеческой этики: благоговение, сострадание и самообладание. Дав неопровержимую апологию (защиту) этой

великой триады добра, он в то же время разоблачил темную триаду зла: гордость, жестокость и плотскость, или угождение плоти.

В наши дни мы видели несостоятельность и банкротство человеческой гордости, превозношения «сверхчеловека», заменившего поклонение Богу обожением человека, провозгласившего вместо веры в Богочеловека, ставшего человеком, — веру в человека, воображающего себя богом.

Эта идея, вдохновлявшая Фридриха Ницше, привела на практике, в области международных отношений, к потокам крови и слез.

Чтобы преодолеть этот принцип зла и разрушения, мы должны возвратиться к первой основной общечеловеческой норме по отношению к тому, что выше нас, к благоговению перед Богом, к смирению перед Его совершенной волей.

Как многозначительны в устах великого ученого эти слова: «Верить в Бога есть наша нравственная обязанность. Человек может не исполнять своей нравственной обязанности, но тогда он неизбежно теряет свое нравственное достоинство».

Мы видели на опыте (и далеко не изжили еще) разрушительное влияние человеческого эгоизма, личного и национального самоутверждения, ведущего к бесчеловечности, к беспримерной жестокости.

В противоположность болезненному эгоцентризму В. Соловьев показал необходимость для каждого мыслящего человека здоровой нравственной нормы по отношению к тому, что равно нам — по отношению к людям: это — сострадание, сочувствие, любовь. Конечно, он признавал естественность патриотизма, как желания видеть прежде всего в своем отечестве торжество высших идеалов правды. Но в то же время он беспощадно разоблачал то, что он

метко называл «зоологическим национализмом», распространяя заповедь: «люби чужой народ, как свой собственный».

Опыт, подтверждаемый статистикой преступности и заболеваний, показывает, как грехи плоти, разврат, алкоголизм, наркомания и т. п. разрушают духовное и физическое здоровье человека.

В. Соловьев научно доказывает необходимость возврата к элементарной основе общечеловеческой морали и единственно-достойной нормы поведения по отношению к тому, что ниже нас, по отношению к нашим телесным потребностям. Эта норма заключается в самообладании, в господстве духа над плотью. Нам необходима здравая аскеза, ведущая не к уничтожению, а к одухотворению тела.

Другая сторона современного нам кризиса духа — это сомнение практическое, возбуждающее жизненный вопрос: посильно ли для нас осуществление упомянутых норм добра? Есть ли у нас возможность примирения, сочетания духа и плоти, идеала и действительности?

Одинаково несостоятельны, согласно выражению В. Соловьева, — и «беспочвенный идеализм и бескрылый материализм». Задача человека на земле — сочетание возвышенной мечты и действительности, их жизненный синтез (упомянутый выше «идеалреализм»). Истинное творчество — в сочетании духа и плоти, в преображении материи, в одухотворении материи через воплощение в ней духовного начала. Небо без земли далеко и отвлеченно; земля без неба — долина печали и слез, «комков грязи»...

Религия без жизни приводит к лжедуховности. Жизнь без религии бесцельна и бессмысленна. Жизнь должна быть религиозной. Религия должна быть жизненной.